

3.2. Проблемы современных государственных образований и общее в культурах крупнейших этносов Казахстана как типах рациональностей в контексте универсалистской стратегии исследования

Как уже отмечалось ранее, одной из важнейших задач, вытекающих из современного состояния планетарного мегасоциума, является сверхзадача выживания государственных образований, индивидов и этносов, проживающих в них. Вдвойне это задача актуальна для таких государств, как Казахстан, еще находящихся в процессе государственного строительства, нациестроительства. Нашему государству приходилось и приходится решать единовременно в короткий период времени, с учетом огромного числа самых разнообразных факторов блок задач, на решение которых большинству развитых стран история отпустила куда большее количество времени. Сегодня же, сжатие пространства и времени (глобализация) уплотняет и ускоряет событийный ряд, что также усложняет задачи государственного строительства. Усложняет эти задачи и складывающийся у нас на глазах «новый мировой порядок», независимо от того, какой проект будет реализовываться в рамках этого «порядка» – неоконсервативный проект «Американской Империи» или обамовский проект мультилатеризма, предполагающий равномерное распределение полномочий между США и их союзниками, в совокупности с проектом «углубления демократии». В любом случае, как справедливо отмечает российский политический деятель А. Дугин, «...США и Запад ведут дело к постепенной десувверенизации всех существующих политических единиц, и это аксиома Глобального Перехода» [258, с. 6]. А известный итальянский политик, журналист и, как его называют оппоненты, конспиролог, а также московский корреспондент газет «Унита» и «Ла Stampa», экс-депутат Европарламента Джульетто Кьеза вообще заявляет и обосновывает мысль о том, что «до новой мировой войны несколько шагов» [259, с. 6].

Что касается вопросов, проблем государственных образований, то здесь складывается, как с тревогой отмечают многие исследователи, сложная ситуация. Отмечается, в первую очередь, тот факт, что «ресурсный потенциал государства уменьшается, чего не скажешь о задачах, стоящих перед ним» [260, с. 192]. Более того, многие ученые считают, что в эпоху глобализации происходит закат национального

тают, что в эпоху глобализации происходит закат национального государства. Отмечается, что контроль над рычагами управления в среде экономики переходит от государственных структур к новым мощным акторам – ТНК и ТНБ (транснациональным корпорациям и транснациональным банкам). Формируются различные надгосударственные структуры, к которым также (пока еще постепенно) переходят рычаги управления внутригосударственными структурами. Постепенно формируются тенденции приоритета международного права над национальным законодательством. То есть налицо – тенденции постепенного ограничения суверенитета государств. Например, Европейский суд по правам человека для стран, вступивших в Совет Европы и подписавших Европейскую конвенцию по правам человека, является той высшей надгосударственной инстанцией, которая рассматривает иски граждан к государству, в котором эти самые граждане проживают.

Одним из главных факторов современного цивилизационного развития, размывающих суверенитет национальных государств, является информационно-культурная экспансия, используемая в качестве средства политического давления. Непрерывно и целенаправленно создается единое мировое информационное пространство, в котором главным актором выступают США. Как признают многие политики, исследователи, «информация наравне с финансами и интеллектуальным капиталом становится важнейшим ресурсом политического давления» [260, с. 194]. А главным «пользователем» этого ресурса являются США. Информационные потоки в созданных для них условиях «прозрачных границ» способствуют экспансии стандартизированных западных культурных ценностей и смыслов. Ведущая роль здесь, конечно, отводится Интернету. Кстати, 3 июня 2011 г. ООН объявила право на свободный доступ к Интернету одним из базовых прав человека.

Просматриваются явные тенденции диверсификации уровней управления в национальных государствах, тенденции развития национальной и субнациональной регионализации, что опять-таки размывает суверенитет государств, поскольку увеличивается количество центров принятия решений.

Такая диверсификация способствует центробежным тенденциям внутри государств. Кстати, эта проблема, по мнению некоторых российских экспертов, может стать актуальной не только для России, но и для Казахстана. Особенно, если учесть описанную нами в предыдущем параграфе модель обамовской «всеобщей империализации», которая направлена на «фрагментацию» государственных образований, обла-

дающих богатыми природными ресурсами и стремящихся проводить самостоятельную политику, как внутреннюю, так и внешнюю. Хотя, чтобы стать «объектом» такой «фрагментации» в контексте указанной выше модели, совсем не обязательно обладать богатыми природными ресурсами, а достаточно стараться быть самостоятельным в политике.

Очень важным представляется то, что уменьшение ресурсного потенциала государства влияет на функции государства по обеспечению системы социальных прав и гарантий социальной безопасности, поскольку самые разные договоренности наднационального уровня, деятельность ТНК и ТНБ ограничивают во все более значительной степени возможности государства в этой сфере. Как известно, сфера социальных прав и гарантий социальной безопасности несет в себе немалый потенциал конфликтных ситуаций, в контексте возможности возникновения которых она (эта сфера) представляется очень хрупкой и уязвимой. Особенно это важно для полиэтнических государств, к коим относится и Казахстан, поскольку ко всем прочим перечисленным выше проблемам добавляется еще этническая составляющая. Большинство развитых государств мира характеризуются этнической и культурной неоднородностью. В основном, такие государства формировались путем не только военной, но и культурной экспансии. Этноты или группы этносов, которые были более «продвинутыми» в технологической, коммуникативной сферах, распространяли свое влияние в культурной среде (язык, ценности, СМИ и т. д.) на другие этноты. Доминирующий в технологической и коммуникативной сферах этнос или группа этносов (имеющих сходные базовые ценности, язык и т. д.), осуществляя военную и культурную экспансии, расширяют, так сказать, «ареал изначального обитания», создавая более крупное государство (империю и т. д.), которое уже не может быть моноэтническим. На алтарь геополитики в качестве жертвы приносятся вопросы этнической чистоты государства, т. е. невозможность создания моноэтнического государства – это та жертва, которую кладут на алтарь геополитики этноты – «доминанты». Что касается современного Казахстана, то здесь складывалась иная ситуация: мы получили независимость де-факто, а казахский этнос в сложившейся на момент получения независимости ситуации не являлся этносом-«доминантом». Но, на наш взгляд, в этой ситуации кроются как проблемы, так и возможности, особенно во взаимоотношениях между двумя крупнейшими этносами Казахстана – казахами и русскими. Поскольку мы получили независимость де-факто, а не на волне подъема пассионарной энергии населения, то это, с одной сторо-

ны, создает благоприятный фон, а, с другой, возможно, недостаточный фон (базу) для успешного государственного строительства. Но, с другой стороны, отсутствие пассионарности позволяет в более спокойной обстановке решать межэтнические проблемы, проблемы поиска новой идентичности, условия для формирования и необходимость формирования которой возникли в результате развала СССР.

Возвращаясь к проблемам существования современных государств, к сверхзадаче их выживания в современном мире, хочется отметить, что выживание государства, которое, по меткому выражению Н. Бердяева, существует вовсе не для того, чтобы жизнь сделать раем, а для того, чтобы жизнь не превратилась в ад, зависит от того, насколько внутренне консолидированы его граждане, насколько управляема и оптимизирована его политическая и социальная организация.

Кроме того, важно отметить, что сегодня приоритетными стратегическими направлениями культурной политики большинства стран мира объявляется защита и поддержка национальной культуры и культурного наследия. И, что очень важно, «...культура рассматривается как действенный инструмент национального строительства, как средство достижения таких значимых, с точки зрения стратегических национальных интересов, целей, как национальное единство и национальная идентичность» [261, с.14]. Упомянутый нами ранее З. Бжезинский в своих последних работах пишет о том, что культурное превосходство является недооцененным аспектом американской глобальной мощи. Но эта ситуация сверхдержавы США. В ситуации нашего полиэтнического государства, на наш взгляд, важно обратить внимание на этническую составляющую проблем культуры, которая может стать болевой точкой, способной разрушить государство. Некоторые исследователи считают, что разрушить полиэтническое государство может отсутствие культурной гегемонии одного этноса над представителями других этносов, проживающих в пределах одного государства. Так, профессор МГУ И. Василенко пишет, что в «Новейшее время СССР, возглавивший мировую систему социализма, в основу своего геополитического контроля над пространством положил идею господства «передовой» марксистской идеологии, впервые отказавшись от идеи прямого культурного превосходства. Возможно, это было одной из главных ошибок советских лидеров: исчерпать запас идеологических аргументов значительно легче, чем исчерпать запас культурного творчества». И, далее, делается вывод: «Вероятно, поэтому предыдущие империи существовали веками, а СССР едва достиг своего 70-летнего рубежа» [262, с. 37].

На наш взгляд, причины развала СССР, среди которых можно выделить как объективные, так и субъективные факторы, лежат гораздо глубже. Эти причины связаны с природой Homo sapiens, который в основной своей массе (как вид) не способен ограничить свое собственное потребление в рамках природной целесообразности: он всегда потребляет больше, чем необходимо для простого поддержания жизненных функций; он использует свои возможности, «божью искру» для целесообразно неограниченного удовлетворения своих инстинктов. Поэтому в наше время государства, построенные по такому принципу, близкому к природе Homo Sapiens (его инстинктам), могут существовать в течение длительных исторических периодов.

Таким образом, в современном мире государственные образования продолжают оставаться основными гарантами обеспечения социальных прав и социальной безопасности своих граждан. Безопасность самого государства, его место в международном разделении труда и «новом мировом порядке», как я уже отмечала выше, во многом зависит от того, насколько внутренне консолидированы его граждане, насколько управляема и оптимизирована его политическая и социальная организация, что, кстати, также зависит от внутренней консолидации общества. В такой ситуации степень актуализации императива взаимной ответственности (особенно в условиях глобализации) становится очень высокой. А в качестве действенного инструмента государственного строительства, средства достижения национального единства и национальной идентичности (как стратегических государственных целей) выступает культура. Поэтому в полиэтнических государствах, к которым относится Казахстан, очень важен «диалог» культур, выявление, актуализация и, по возможности, институциональное закрепление тождественного в культурах этносов, чьи представители проживают в одном государственном образовании. В Казахстане речь должна идти, в контексте сказанного выше, прежде всего, о культурах двух крупнейших в нашем государстве этносов – казахов и русских. Но сначала хочется отметить несколько моментов, касающихся истории казахской государственности.

Очень интересные материалы по этой истории собраны в книге «Прошлое Казахстана в источниках и материалах» (1997), которая была издана небольшим тиражом и уже стала библиографической редкостью. В ней (в первом сборнике) собраны интереснейшие отрывки из произведений греческих, арабских, китайских, персидских, немецких, французских, итальянских, шведских, голландских и русских путешественников и географов с V века до нашей эры по XVII век нашей эры [263]. Эти

материалы подтверждают, что казахская государственность имеет отнюдь не короткую историю, как считают некоторые «исследователи». Во многих этих материалах казахское сообщество предстает как близкое к коллективным формам трудовой демократии. Очень интересными в этом плане являются отрывки из сочинений оренбургского чиновника, начальника канцелярии губернатора Неплюева (позже – заведующего инородческими делами) П.И. Рычкова. Так, в своей «Истории Оренбургской» (1759) он отмечает: «Правительство, в тех ордах по большей части походит на демократическое, ибо кто в каком роде старее и богаче, того и почитают. Но власти надлежащей не только старшины, но и сами владельцы над народом почти не имеют, разве тогда, когда для добычи ездят или защищаются от неприятелей своих, ханам и старшинам своим повинуются и по их приказам собираются и поступают» [263, с. 229]. В другой своей работе «Топография Оренбургской губернии» (1887) П.И. Рычков опровергает и другой «миф» о том, что у казахов совершенно не было земледелия. Так, описывая население городов Большой киргизкайсацкой орды (Туркестан, Курлак, Икан, Саураар, Отрар, Ташанак, Августау, Сюрю, Сосак), он характеризует их так: «которые все люди пахотные» [263, с. 256]. Об этом же пишет Георги в своем труде «Описание всех обитающих в Российском государстве народов» (1799) [263, с. 178]. Опровергается и «миф» об отсутствии у казахов городов. У некоторых наших историков возникают сомнения по поводу того, можно ли считать некоторые из перечисленных выше городов таковыми. Так скажем известный, ныне покойный казахстанский историк Н.Э. Масанов считал, что город Отрар – это фикция, а было селение Отрар. Однако, в упомянутой выше книге под редакцией профессора С.Д. Асфендиярова и профессора П.А. Кунте приводятся отрывки из трудов турецкого историка Абулгази (1605–164), передающие события XI–XII вв. на территории Казахстана, из которых следует, что Отрар был городом.

Интересные труды по истории казахской государственности написаны С.Г. Кляшторными и Т.И. Султановым, Ж. Касымбаевым, Ж.Л. Артыкбаевым, Е.А. Абель, юристами Т.М. Культелеевым, М.Г. Масевичем, Г.Б. Шакаевым, С.С. Сартаевым, С.Ф. Ударцевым и многими другими. Очень интересные материалы собраны также в книге «Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Гильома де Рубрука» [264].

Исследования русских ученых в царской России, некоторые ранние западные источники, арабо-мусульманские источники, работы советских ученых, исследования постсоветского периода показывают наличие историко-правовых памятников, регулировавших жизнь ка-

захского сообщества. Одним из таких историко-правовых памятников является «Жеті жарғы», представляющий собой кодификацию обычного права казахов, которая была составлена при Тауке-хане. Хан Тауке (Таввакул-Мухаммад-батыр-хан) был сыном Джahanгир-хана и внуком Есим-хана и ханом Казахского ханства конца XVII – начала XVIII в. В русских источниках царской России есть редакции записи законов Тауке-хана Гавердовского (1803 г.), К. Шукуралиева (1804 г.), Л.И. Левшина (1832 г.). Однако, впервые на высоком научном уровне «Жеті жарғы» был рассмотрен уже советским ученым С.Л. Фуксом, который работал в Алма-Ате в годы Великой Отечественной войны. Его исследования по истории казахского обычного права XVIII – первой половины XIX вв. были оформлены в виде докторской диссертации, защищенной им в 1948 г. в Москве и позднее засекреченной. Эта работа стала фундаментальным трудом об источниках, основных особенностях обычного права и государства кочевой цивилизации на высшей ступени своего развития накануне и в первый период присоединения к России. В прошлом году этот труд, обнаруженный в Москве ныне доктором юридических наук Ш.В. Тлепиной, был издан в виде книги с прекрасной вступительной статьей доктора юридических наук, профессора, ректора КазГЮУ в г. Астане С.Ф. Ударцева и доктора юридических наук, профессора Карагандинского университета «Болашак» (г. Караганда) Н.О. Дулатбекова, в которой они отмечают, что С.Л. Фукс одним из первых поставил проблему кочевого государства, а также статьей названной выше Ш.В. Тлепиной [265]. В своем фундаментальном труде С.Л. Фукс писал, что очень важно, о «древней племенной государственности», о «наследии кочевой государственности», и о «гибели к XIX веку казахской государственности», «разложении патриархально-феодалного строя», а также о предпосылках исторического взлета казахской государственности при ханах Аблае, Арынгазы и Кенесары накануне ее полного уничтожения. Колониальный же период, по мнению ученого, «не создал никаких предпосылок для возрождения казахской национальной государственности». Надо отметить, что в мировой, чаще околонуточной литературе все еще весьма распространено уничижительное отношение кномадам. Скажем, А. Бенсон пишет о номадах следующее: «... Характерным для кочевников является то, что они захватывают территорию, но не привязываются к ней, она не становится для них родиной. Они – собиратели, а не творцы» [266, с. 215]. А Ф. Бродель писал, имея в виду номадов, что «... в целом же речь идет об исключительном случае – случае паразитизма ...» [267, с. 112].

В советский и постсоветский период большой вклад в исследование истории казахской государственности внесли, как известно, такие ученые-юристы, как Т.Н. Культелеев, С.З. Зиманов, Л.В. Дюков, С.С. Сартаев, Г.С. Сапаргалиев и многие другие, а также историки И.В. Ерофеева, М.К. Козыбаев, Т.И. Султанов и другие.

Как уже отмечалось ранее, в среде исследователей есть и такие, которые ставят под сомнение саму историю казахской государственности на основании отсутствия (по их мнению) «атрибутов» государства, в первую очередь, четко очерченной территории. В свое время, как известно, А.И. Солженицын говорил о том, что, дескать, большевики проводили территориальные границы в случае Казахстана «там, где проходили бараны». Кстати, С.Ф. Ударцев и Н.О. Дулатбеков в своей вводной статье к упоминавшемуся уже труду С.Л. Фукса совершенно справедливо отмечали, что «такое ритмическое, циклическое функционирование сообщества на одной и той же защищаемой им территории может рассматриваться как один из вариантов территориальной определенности сферы распространения государственной власти и права» (См.: предисл. С.Ф. Ударцева и Н.О. Дулатбекова к книге: С.Л. Фукс. Очерки истории государства и права казахов в XVIII и первой половине XIX вв., 2008, с. 13). Известны документы царской России 20-х гг. XIX в., когда процесс присоединения Казахстана к России еще не завершился. Из документов этого периода, как отмечает в своей книге «Конституционное право Республики Казахстан» (2007) Г.С. Сапаргалиев, «...конкретно и ясно видно, какую территорию занимали казахи от Волги до Иртыша, от Ишима и Тобола до Сырдарьи и Или [268, с. 163]. Все это пространство было признано юридически землей казахов». Более того, согласно «Уставу об управлении инородцев» от 22 июня 1822 г., земли казахов считались неприкосновенными. В дальнейшем же, царский истеблишмент в нарушение собственных законов стал активно отбирать у казахов земли и отдавать их российским переселенцам. Политика в отношении казахов приобрела откровенно колонизаторский характер, в результате чего, как отмечает Г.С. Сапаргалиев в вышеуказанной книге, «...среди демократически настроенных русских интеллигентов серьезно обсуждался вопрос о том, выживут ли казахи в результате такой политики самодержавия» [268, с. 167]. После Октябрьской революции или, как сейчас принято говорить, в среде некоторой российской либеральной интеллигенции, после Октябрьского переворота были сделаны шаги по восстановлению исторической справедливости, а именно: документально закреплены

границы Казахстана в составе СССР. В дальнейшем, как известно, наша страна жила по конституциям СССР 1936 и 1977 гг. и по Конституции 1937 года (после преобразования Казахской АССР в 1936 г. в Казахскую Союзную Республику), а также Конституции Казахской ССР 1978 г. И хотя имелись признаки государственности, но фактически они носили формальный характер, совпадали с атрибутами союзного государства.

После распада СССР наша страна оказалась в достаточно уникальной исторической ситуации, когда временами возникала острая (цейтнотная) необходимость правового закрепления постфактумных событий. В то время, когда на Западе все больше проявлялись тенденции (вследствие глобализации) образования наднациональных структур, нам в условиях сжатия пространства и времени, в условиях активного проявления тенденций унификации пришлось решать проблемы собственного государственного строительства. События развивались подчас очень плотно и стремительно. И первым государственным актом стала «Декларация о государственном суверенитете Казахской Советской Социалистической Республики» от 25 октября 1990 года. Однако в связи с переименованием КазССР в Республику Казахстан 10 декабря 1991 г. она называется «Декларацией о государственном суверенитете Республики Казахстан». Началась активная работа над созданием проекта конституции, результатом которой стала Конституция Республики Казахстан 1993 г. Очень интересно, живо это бурное время описано в книге С.С. Сартаева и Л. Назаркуловой «Становление Конституции Республики Казахстан» (2002) [269]. Позднее, в 1995 г., как известно, был принят новый вариант Конституции Республики Казахстан.

Вообще, в двадцатом столетии на геополитической карте мира произошли значительные изменения: появилось много новых государств, получивших независимость в результате национально-освободительной борьбы, «бархатных революций», распада отдельных государств на части и тому подобное. Список этих новых государств пополнила и наша республика, приняв Декларацию о суверенитете. Считается, что с тех пор суверенитет (особенно с юридической точки зрения) обрел реальные черты, а именно: определена форма государственного устройства – президентская республика. Сформулированы новые органы законодательной, судебной и исполнительной власти. Однако процесс суверенизации обретет реальное содержание, в том числе, и в том случае, если будут учтены как особенности современного культурного развития в целом, так и особенности культурного развития Казахстана, и, соответственно, скорректирована (или, если понадобится,

создана заново) парадигма собственного развития, намечены перспективы культурного развития Казахстана. Совершенно очевидно, что сам институт государства является средством удержания и сохранения не только природно-материальных ресурсов для обеспечения полноценной жизни народов. Институт государства является средством сохранения культурной самобытности, духовной культуры, т. е. полноценного культурного развития, в особенности для народов, получивших возможность построения отдельного государства не так давно.

В современных научных, околонучных и общественных дискуссиях обсуждение проблем культуры занимает значительное место. Связано это с тем, что в современном мультикультурном мире взаимодействие различных культур осуществляется в очень широких масштабах. Но что влечет за собой такое масштабное взаимодействие: взаимообогащение, взаимоупрощение, разрушение-поглощение? Все эти явления (только что мною перечисленные), на наш взгляд, имеют место в процессах мирового культурного развития. Так почему же это так волнует мировую общественность? По всей видимости, это обусловлено, прежде всего, тем, что каждая культура (от древней Греции и Египта, майя и культур народов Севера до современной западной культуры) отражает опыт «вживания» (бытия), отношение отдельных этносов к окружающему миру. А, как известно, любой опыт уникален. Поэтому любая культура уникальна и обладает самостоятельной ценностью, независимо от того, когда она возникла и сколько просуществовала. О самоценности каждой культуры писал еще естествоиспытатель, философ и социолог Н.Я. Данилевский (1822–1885). Этот русский ученый-энциклопедист в своей теории «культурно-исторических типов» человечества связывал значение «культурно-исторических типов» прежде всего, с тем, что каждый из этих «типов» выражает идею человека по-своему, а эти идеи, в свою очередь, составляют нечто всечеловеческое. Исходя из всего сказанного выше, хочется отметить, что все разговоры о большей или меньшей ценности отдельных культур для мирового культурного развития лежат, скорее, в плоскости национализма, расизма, ксенофобии.

Человечество, на первый взгляд, добилось впечатляющих результатов в преодолении всех форм взаимной нетерпимости, которые складывались на основе многовековых взаимных обид и претензий. Однако, в последнее время страны западной демократии, которые, по мнению многих, справедливо считаются «оплотом» и «авангардом» борьбы за общечеловеческие ценности, все чаще накрывают мощные волны национальной нетерпимости. Лидеры ультраправых националистиче-

ских движений и партий с каждым годом набирают все большее число голосов избирателей. Так, во Франции, где, по разным оценкам, мусульманское население достигло численности в 8–9 миллионов человек, националистические призывы Ж.М. Ле Пена, а ныне – его дочери Марин Ле Пен – находят все большее число сторонников или «тихо» сочувствующих среди «коренных» французов. В Голландии кипят страсти национализма и расизма. В спокойной Австрии призывы сторонников ныне покойного Хайгера звучат все громче и громче.

Растет расовое самосознание в странах Азии и Африки. Теперь уже европоцентризму противостоит не только востокоцентризм, но и афроцентризм. Бывший, ныне покойный лидер Ливийской арабской Джамахирии М. Каддафи в своей «Зеленой книге» [270] писал, что «править миром будут черные».

Вышло в свет многостраничное исследование под названием «Афроцентристская критика европейской культуры и поведения», которое открывается следующим посвящением: «Всем африканцам, которые борются за простую Истину: Раса – прежде всего!» [271]. В России, нашей великой северной теперь уже (после развала СССР) соседке, разные формы проявления ксенофобии также постепенно приобретают масштабы бедствия. И вот уже лидер первой в мире супердержавы, – США, – Джордж Буш-младший в одном из своих первых выступлений вскоре после известных трагических событий в Нью-Йорке 11 сентября 2001 года говорит о «столкновении цивилизаций». И хотя, в последующих его выступлениях это выражение в духе С. Хантингтона исчезает (речь уже идет о международном терроризме), эта первая вышеупомянутая реакция, думается, точнее отражает истинное отношение политической элиты США к событиям 11 сентября прошлого года.

Так в чем же причина всплесков национальной и расовой нетерпимости по всему миру? Многие представители научной, околонучной и просто широкой общественности видят причину этих всплесков, прежде всего, в процессах глобализации, охвативших весь мир. Представители разных этносов противятся сознательно или подсознательно процессам унификации всех сторон жизни, которые несет глобализация. Да, собственно, и саму глобализацию можно рассматривать как унификацию всех сторон жизни разных этносов, которая вызывает, как уже говорилось, реакции отторжения. Появление воинствующего национализма как формы ответа на установление единого стиля жизни, нового доминирующего миропорядка прогнозировалось еще в конце 20 столетия в знаменитой статье ученого из «Рэнд корпорейшн»

Ф. Фукуямы под названием «Конец истории?» Фукуяма тогда писал, что «Триумф Запада, западной идеи очевиден прежде всего потому, что у либерализма не осталось никаких жизнеспособных альтернатив» и что, вероятно, мы являемся свидетелями не просто конца холодной войны или очередного периода послевоенной истории, но конца истории как таковой, завершения «идеологической эволюции человечества и универсализации западной либеральной демократии как окончательной формы правления». И тут в пору вспомнить еще раз теорию «культурно-исторических типов» Н.Я. Данилевского, который утверждал, что общечеловеческой цивилизации быть не может, а существуют лишь ее различные типы. По мнению Н.Я. Данилевского, народ – конкретная и существенная действительность, «человечество» – абстракция, пустое понятие, а господство «...одной системы государств, одного культурно-исторического типа – одинаково вредны и опасны для прогрессивного хода истории» [229].

Однако, как бы то ни было, многие считают, что процессы глобализации имеют много положительных сторон: дескать, более «отсталые» в технологическом плане культуры «подтягиваются до уровня более «развитых», и формируется одна общечеловеческая цивилизация.

С другой стороны, также многие считают, что процессы глобализации, в конечном счете, направлены на продление комфортного существования так называемого «золотого миллиарда», который стремится к захвату всех ресурсов мира.

Совершенствование коммуникационных средств приводит к расширению коммуникационного поля и мирового культурного пространства и, соответственно, к ускорению и усложнению всех процессов внутри него. Поэтому влияние процессов, происходящих в мировом культурном пространстве на отдельные «региональные» культуры значительно усиливается. То есть проблемы современного культурного развития являются проблемами всех частей мирового культурного пространства, в том числе и Казахстана. В последнее время в культурологии, истории ведутся оживленные дискуссии о преимуществах и недостатках так называемых «стадиального» и «цивилизационного» подходов к изучению культуры. В оценке места и роли культуры Казахстана в мировом культурном пространстве, на наш взгляд, важна точка зрения Н.Я. Данилевского, который совершенно справедливо утверждал в своем учении о культурно-исторических типах, что каждая культура обладает самостоятельной ценностью, и поэтому ни один из культурно-исторических типов не может считаться высшим или низшим

по отношению к другим. Именно это положение я имею в виду, когда говорю о необходимости «цивилизационного» подхода к оценке места и роли культуры казахского и других этносов, населявших и населяющих территорию Казахстана. То есть, в данном случае, так называемый «цивилизационный» подход, в моем понимании, должен включать в себя (или являться своего рода компромиссом – кому как нравится) содержание понятия «культурно-исторический подход» и одно из весьма распространенных пониманий понятия «цивилизация» как уровня общественного развития.

Вообще, проблема сущности культуры всегда являлась в философии одной из центральных, так как, являясь продуктом человеческой деятельности, творчества индивидов, она, в свою очередь, тесно связана с одной из главных философских проблем – проблемой сущности человека. Что же такое культура? Каково содержание этого понятия? Считается, что традиционное понимание культуры заключалось в том, что культура понималась как достаточно замкнутое и локальное образование [272]. Впервые же, как полагают многие исследователи, термин «культура» был использован немецким юристом С. Пуфендорфом (1632–1694) для выражения определенной направленности совокупной деятельности людей. В настоящее же время понятие «культура» (в широком смысле) осознается как формы реализации сущностных сил человека, которые вырабатываются людьми в процессе их совместной деятельности [222].

В двадцатом столетии, особенно во второй его половине, такую экспансию осуществляет западный тип культуры. Еще в 1975 г. иранский философ С. Наср говорил о том, что в результате культурной (а временами – и не только культурной) экспансии Запада население мусульманских стран было ввергнуто в «шоковое» состояние, которое выразилось в тотальном культурном кризисе [273]. Соотечественник С. Насра, ученый Д. Шайган вообще отмечал, что адаптация к цивилизации Запада будет означать трагическую гибель восточных цивилизаций [273]. В результате такой радикальной антизападной критики, в том числе, и по инициативе крупнейших западных ученых, была поставлена под сомнение вся западная модель цивилизации, создававшаяся в течение последних пятисот лет.

Что касается Казахстана, то он, естественно, также оказался вовлеченным в мировой процесс перехода культур от локального уровня к интеграционному. Однако, конечно же, наряду с общими закономерностями, в Казахстане наблюдались и наблюдаются и свои особенности

в протекании этого процесса. Сам этот процесс начался, по всей видимости, еще в XIX в. и проходит в несколько этапов и по сей день. Первый этап, на наш взгляд, начинается еще в XIX в., связан он с началом развития новых средств коммуникации и, как всякое начало вообще, этот период явился, по всей видимости, трудным для казахской культуры, так как впервые происходит столь плотный масштабный контакт кочевой культуры с быстро развивающейся западной культурой через русскую культуру. Это находит отражение, в первую очередь, в казахской поэзии XIX в., которая, как совершенно верно отмечает Ауэзхан Кодар (поэт, эссеист и философ), так и называется «зар-заман» – поэзия скорби. «Это был самый настоящий плач казахского народа в этом страшно меняющемся мире» [274].

Второй этап связан с пребыванием Казахстана в качестве союзной республики в составе СССР. Этот период характеризуется, наряду с уже известными негативными сторонами, на наш взгляд, и положительными явлениями. Во-первых, это, конечно же, установление границ Казахстана, пусть и в составе СССР. Кстати, эти границы стали государственными границами суверенного Казахстана. Во-вторых, проводилась (и, на наш взгляд, нельзя этого отрицать), насколько это вообще возможно в объективно изменяющемся мире, политика, направленная на поддержку национальных культур. В осуществлении этой политики в Казахстане принимали самое активное участие одни из лучших представителей русской культуры (Ерзакович, Затаевич, Брусиловский и др.). Однако, с другой стороны, Казахстан был превращен в место ссылки не только отдельных людей, но и целых народов. Поэтому особенно важной становится проблема взаимоотношения культур.

Эта же проблема остается одной из важнейших и в третьем, постсоветском этапе перехода Казахстана от локального к интеграционному уровню в общем процессе современного культурного развития. Ведь Казахстан остается полиэтническим государством, в котором сосуществуют и взаимодействуют культуры большого количества разных народов. Однако, наряду с обоснованными опасениями по поводу утраты самобытности культур народов, населяющих Казахстан (в том числе и казахов), есть и положительные моменты в факте взаимодействия культур народов Казахстана. Как известно, в истории человечества многие самые блестящие культуры возникали при максимально большом числе образующих компонентов (на первый взгляд, даже решительно не совместимых), при максимальной открытости и готовности к заимствованиям. В этом смысле, формирующуюся в Казахстане инте-

традиционную культуру (в том числе и культуру казахов) можно назвать культурой возможностей. И, наверное, прав Ауэзхан Кодар, определяя казахскую культуру и философию как «нарастающую», как культуру возможностей [274].

Проблемы культурного развития в постсоветских государствах (и, конечно же, в Казахстане) в настоящее время приобретают особый характер. Если в Европе создаются некие наднациональные союзы, то постсоветские государства, с одной стороны, строят национальные модели государства, а, с другой, – должны приспосабливаться к условиям глобализации, которая предъявляет высокие требования, прежде всего, к уровню развития экономики, науки, образования и т. д.

Как уже говорилось ранее, в настоящее время процессы глобализации повсеместно вызывают: 1) с одной стороны, волны национализма; 2) с другой стороны, повышают роль совместных усилий людей (не обязательно при решении неких сверхзадач). Поэтому, на наш взгляд, в таких полиэтнических государствах, как Казахстан, где коренной этнос не составляет подавляющее большинство (в количественном отношении) населения, модель мультикультурализма должна характеризоваться, прежде всего, полифонией культур народов, чьи представители проживают на территории современного Казахстана. При этом под полифонией здесь следует понимать, я думаю, не только и не столько многообразие, а такое «совместное звучание», такой диалог их, когда «слышна» каждая культура. Это можно сравнить с полифоническим звучанием такого уникального старинного русского инструмента, как шлемовидные гусли, на которых, возможно, играл древний сказитель Боян. У этого инструмента двадцать три струны, каждая из которых по отдельности звучит по-своему. Однако, уникальное полифоническое звучание получается только тогда, когда задействованы все струны. У казахов в древности также были музыкальные инструменты с уникальным полифоническим звучанием, которые, по мнению многих исполнителей (музыкальных) и музыковедов, представляют собой фактически то же самое, что шлемовидные гусли [275]. Это – кесле и жетыген. А название «гусли» и «кесле», похоже, имеют и единое происхождение. Это – к вопросу о близости элементов культур у русского и казахского народов.

Возвращаясь к вопросу о полифонии культур, следует отметить, что совместное красивое «звучание» культур возможно, на наш взгляд, только при осознании общности судьбы, под которой надо понимать не только прошлый и настоящий совместный опыт, но и общую цель – благополучие каждого человека независимо от его национальной принадлежности.

Осознанию общности судьбы должна способствовать объединительная идея, на роль которой выдвигались и выдвигаются такие идеи, как: 1) идея гражданского общества; 2) казахская национальная идея; 3) идея евразийства; 4) идея «экологического возрождения» и т. д. Думается, на данном этапе развития казахстанского общества каждая из этих идей обладает определенным ресурсом (своим полем) объединительного потенциала, однако, по всей видимости, сегодня наибольшим потенциалом обладает идея общечеловеческих ценностей, что связано с современными социокультурными реалиями Казахстана.

В современном мире каждый человек относит себя к определенному типу культуры, и это имеет огромное значение, так как в основе любой культуры лежит познавательное отношение к миру. Как утверждают многие современные исследователи, каждая культура «мыслит» по-своему, обладает «своим менталитетом», который и определяет ее своеобразие, в конечном счете, ее отношение к другим культурам. То есть, каждая культура обладает определенным типом рациональности. Концепция культурно-исторических типов Н.Я. Данилевского [229] и положения О.Шпенглера [276] о морфологии культуры в свое время максимально заострили проблемы несводимости типов рациональности, лежащих в основании разных культур. Но попытки понять культуру как особый и не сводимый к другим тип рациональности ведут к неустранимым трудностям логического порядка [277]. Если культуры не сводимы одна к другой, то тогда постичь рациональность другой культуры можно, только полностью отказавшись от собственной. Это – очень сложный вопрос, для решения которого был введен термин «диалог культур». Для того, чтобы такой «диалог» состоялся в нашей стране, требуется исследовать общие основания в культурах казахского и русского этносов. Для этого, в свою очередь, необходимо исследовать типы рациональностей, лежащие в основе этих культур. Тип рациональности определяется познавательным отношением к миру, который определяет и формирует базисные ценности культуры, которые во многом сходны у казахов и русских. Здесь целесообразно рассматривать эти ценности в контексте универсалистской стратегии исследования, т. е. выявлять тождественное, точки соприкосновения. Надо отметить, что термин «рациональность» используется в данном исследовании (как, впрочем, в большинстве подобных исследований) как характеристика умственных и практических действий человека, что не совпадает с «идеальным» пониманием рациональности. Актуальность темы рациональности в таком понимании и в контексте особенностей

современного цивилизационного развития неизмеримо возрастает. Тема рациональности проблематизирует все основные сферы, охватываемые современным философским мышлением. Актуальность темы рациональности обусловлена осознанием необходимости вернуть ей роль важнейшей культурной ценности, основанной на понимании единой основы, единого происхождения не только человеческих действий и душевных движений, но и явлений природы, взятых в их целостности, в их единстве.

В современном мире индивид «обладает» множеством «идентичностей», среди которых одной из важнейших является этническая идентичность как одна из форм социальной идентичности. Понятие этноса предполагает существование гомогенных, функциональных и статичных характеристик, которые отличают данную группу от других, обладающих иными параметрами тех же характеристик. Общепринятого определения этноса не существует, но доминируют его определения как «этносоциального организма» (Ю.В. Бромлей) или как «биосоциального организма» (Л.Н. Гумилев). На наш взгляд, представляется более эффективным использование подхода Л.Н. Гумилева, так как не существует общепринятого определения не только этноса, но и феномена этничности. В подходе Л.Н. Гумилева в контексте особенностей современного цивилизационного развития представляется важной роль альтруистической этики в сохранении этноса, при которой интересы коллектива ставятся выше личных. По Л.Н. Гумилеву, «альтруисты» обороняют этнос как целое, «эгоисты» воспроизводят его в потомстве [278]. Этика, как известно, рассматривает отношение сущего к должному, а должное, как и сущее, в каждую эпоху меняется. Изменяются, соответственно, и поведенческие императивы, изменяются стереотипы поведения, которые и являются реальной основной этнической природы человеческого коллективного бытия. Так и в нашей стране происходят изменения поведенческих императивов, стереотипов поведения в сторону индивидуализма, что, на наш взгляд, размывает и казахскую, и русскую идентичности и что впоследствии приведет к формированию критической массы «эгоистов», а, значит, к разрушению этноса.

Для выявления общих оснований в культурах русского и казахского этносов необходимо, на наш взгляд, рассмотреть понятие «община» в русской и казахской этносоциальной организации. Интересно и достаточно подробно понятие «община» в казахской этносоциальной организации исследовал историк Ж.О. Артыкбаев в своей работе «Кочевники Евразии (в калейдоскопе веков и тысячелетий)» (2005) [279]. Он

справедливо считает, что кочевое сообщество Евразии необходимо изучать как в исторической динамике, так и в своих этносоциальных параметрах. История этносоциальной организации не поддается визуальному анализу, поскольку она представляет общность, связанную узами генеалогических, экономических, территориальных, а также политических отношений. Для анализа этносоциальной организации, отмечает Ж.О. Артыкбаев, необходимо обратиться к системному подходу, позволяющему адекватно воссоздать прошлое. В таком случае конкретные события и явления, изученные в плане воспроизводства основных связей (трансляции), позволяют воссоздать модель общества. Кочевое общество держится на разнообразных видах связей, которые выражаются как во взаимоотношениях и поведении людей, так и в серии невидимых узлов интеграционного характера. Наиболее существенными из этих форм связи, если их рассматривать в широком смысле, являются этнические, стержнем которых служат родовые и субэтнические отношения, хозяйственные, нередко понимаемые как общинные, социальные, а также политические, административные, культурные. Многие наши историки считают, что мощным началом единения в казахской этносоциальной структуре служат легенды, связанные с именем Алаша-хана. Эти легенды одновременно служат в этой этносоциальной организации и национальной идеей.

Важным в изучении этносоциальной организации как у казахов, так и русских, а особенно в выявлении общих оснований культур является исследование понятия «общины». Понятие «общины» в широкий научный оборот ввели исследователи-экономисты в начале XX в. в связи с изучением особенностей землепользования казахов. В тот период исследователи неизменно подчеркивали ту прямую связь, которая имела место между хозяйственной деятельностью и родом. Однако именно эту связь как основную в определении общины и ее места в этносоциальной организации у казахов и русских многие исследователи ставят под сомнение. Основным аргумент в этом случае звучит так: в русской этносоциальной организации община рассматривается прежде всего как хозяйственная единица, а в казахской – как этническая.

На наш взгляд, в контексте универсалистской стратегии исследования наиболее важным является то, что община в обеих этносоциальных организациях является коллективной формой существования, которая играла большую роль в истории обоих этносов.

Что есть культура Казахстана сегодня? Она, на наш взгляд, в первую очередь, представлена культурами двух крупнейших этносов,

проживающих в нашей республике – казахов и русских. Ни одна из этих культур не является доминирующей, так как, с одной стороны, есть попытки институционально закрепить элементы казахской культуры в политической системе, но при этом для успешности закрепления этих элементов не хватает реальной «базы», так как казахский язык на данном этапе не является стопроцентно употребляемым языком для более чем половины населения Казахстана. С другой стороны, русский язык, имея реальную «базу» (на нем говорит более половины населения Казахстана), в то же время, не является государственным языком.

Таким образом, культуры двух крупнейших в нашей республике этносов образуют некое целое, существование которого обусловлено наличием или отсутствием указанных выше возможностей стопроцентного употребления (закрепления) своего языка. При этом ранее доминантной по отношению к ним выступала т.н. советская культура, вытесняемая в данное время т. н. западной культурой.

Два крупнейших в Казахстане этноса – казахский и русский – имеют собственные, на наш взгляд, во многом схожие ценности. «О.А. Платонов перечисляет следующие, присущие России и сложившиеся задолго до крещения Руси цивилизационные ценности:

- 1) преобладание духовно-нравственных основ над материальными;
- 2) коллективные формы трудовой демократии (община, артель);
- 3) ориентация на разумную достаточность и самоограничение (нестяжательство);
- 4) идеал праведного (нравственного) труда;
- 5) представление о Земле и о Природе как Божьем даре всем живущим, и, следовательно, отрицание частной собственности на условия существования» [219, с. 131].

Если взглянуть на перечисленные выше ценности, то можно увидеть, что практически все они являются также ценностями казахского этноса. Скажем, в устном народном творчестве казахов есть много пословиц и поговорок, подчеркивающих важность коллективных форм существования. Например: «Жаяудың шаңы шықпас, жылғыздың үні шықпас» – «Не заметна пыль пешего, не слышен голос одинокого». Или вот: «Жалғыз жүріп жол тапқанша, көпшен жүріп адас» – «Чем найти дорогу, бродя одиноко, лучше заблудиться». «Тозған қазды топтанған қарға жейді» – «Бродячего гуся заклюет стая ворон» [280, с. 31]. В свою очередь, известный английский славянист, профессор Школы славянских и восточноевропейских исследований при Лондонском университете Джеффри Хоскинг в своей не так давно вышедшей книге

«Россия и россияне: история» отмечает, что, хотя «в последние 300 лет Россия – безусловно часть Европы ... какие-то базовые институты все-таки – азиатские. Те же крестьянская община и привычка к круговой поруке» [281]. А виднейший русский этнолог, историк Л. Гумилев писал, что: «Конечно, отношения русских и тюрок в XIII–XVI вв. были не безоблачные, но в эпоху феодальной раздробленности это было неизбежно. Разве меньший вред наносили междукняжеские усобицы, например, вражда Москвы с Тверью, или распри степных племен, например, ногаев и ордынских татар. Однако, это были неполадки внутри единой системы, единой культуры, единой страны. Да, если бы было иначе, разве смогли бы русские землепроходцы с ничтожными силами пройти сквозь огромную Сибирь и Дальний Восток!» [282, с. 352–353]. Не вдаваясь в полемику (научную и околонучную) об этнической принадлежности казахов [283], следует отметить, что ученые рассматривают в качестве основных групп древнего населения, сформировавших казахский этнос, этнические группы европеоидного расового типа с индоевропейскими языками и этнические группы центральноазиатского происхождения с преобладанием в их среде монголоидного расового типа и тюркских языков [284].

Вообще, в последние годы стали издаваться книги, которые можно назвать полноценными исследованиями и в которых целенаправленно или нецеленаправленно на основе обширных архивных материалов выявляется общее в культурах и происхождении тюркоязычных народов и русского этноса. Это, скажем, труды М. Аджи [285] и А. Бушкова [286]. Первый из этих авторов находит тюркские корни в культуре и происхождении русских. А второй – находит русские корни в культуре тюрков. В целом, в таких трудах важно то, что в них выявляются объединительные моменты. Поэтому такие книги, на наш взгляд, желательно включать в соответствующие образовательные программы.

Таким образом, сходство цивилизационных ценностей двух основных культурообразующих этносов Казахстана может быть неплохим ресурсом для совместного поступательного движения, для построения совместного будущего. Все сказанное выше позволяет сделать вывод о том, что в Казахстане нет так называемых «культурных разломов» (хотя, думаю, никто не сомневается в онтологической референции этого явления). И здесь надо отметить, что потенциал культурного диалога в Казахстане зависит в значительной степени в условиях незавершенного транзитного периода в истории нашей республики от ответственности элит (особенно политических) за вектор духовного развития, за формирование и тиражирование базисных ценностей общества.